

A photograph of a surgeon in a blue scrubs, surgical cap, and mask, focused on a patient in an operating room. The scene is lit by large overhead surgical lamps, creating a clinical and professional atmosphere. The surgeon's hands are visible, working on the patient. In the background, there are medical monitors and equipment, slightly out of focus.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

<https://litres.ru/74057296>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк Саламонович Вознесенский — легенда мировой нейрохирургии конца XXI века. Человек, чьи операции изучали по всему миру, а пациенты считали чудотворцем. Но одна случайная смерть перечеркнула всё.

Или нет?

Вместо небытия Марк приходит в себя в Москве 2026 года. Теперь он — Евгений Климов, восемнадцатилетний первокурсник медицинского университета. Избалованный мажор, прожигатель жизни и позор собственной семьи, поступивший на лечфак благодаря деньгам и связям влиятельного отца.

Только теперь в теле бездельника живёт разум человека, который полвека спасал жизни и двигал медицину вперёд.

Гению из будущего предстоит начать всё с нуля.

И на этот раз у него не будет ни имени, ни репутации, ни права на ошибку.

Ярослав Северцев

Первокурсник из будущего

Глава 1. Последний разрез

Шовный материал «Пролен» три нуля ложился на рану с идеальным, едва слышным шуршанием. Марк Саламонович Вознесенский работал без микроскопа на финальном этапе, полагаясь исключительно на бинокулярную лупу и ту абсолютную, почти пугающую мышечную память, которая делает обычного хирурга великим. Двенадцатый час на ногах. Операционная зона номер четыре Института экспериментальной нейрохирургии имени Бурденко тонула в ровном, слегка синеватом свете бестеневых ламп нового поколения. На дворе стоял конец двадцать первого века — эпоха, когда медицина научилась выращивать искусственные почки, но человеческий мозг по-прежнему оставался хрупким, капризным и совершенно непредсказуемым куском серого вещества.

— Клипса на месте, Марк Саламонович. Пульсация аневризмы прекратилась, — глухо из-под маски произнесла ассистентка, молодая тридцатилетняя женщина, у которой от напряжения мелко дрожали крылья носа. Для неё эта операция была сродни полету в дальний космос. Для Вознесенского — просто сложным вторжением на чужую территорию.

— Вижу, Ковалева. Не дергайся, — голос Марка Саламо-

новича, несмотря на глубокие семьдесят лет и двенадцать часов стояния у стола, звучал как сухой удар кастаньет. — Подайте биполяр. Коагуляция твердой мозговой оболочки. Нам не нужны ликворные свищи послезавтра.

Он работал методично. Пациент — тридцатипятилетний архитектор с гигантской мешотчатой аневризмой базилярной артерии — фактически уже был на том свете, когда его доставили в клинику. Семьдесят процентов хирургов отказались бы сразу. Еще двадцать девять — вскрыли бы черепную коробку и закрыли обратно, констатировав неоперабельность. Вознесенский взял скальпель. Он перестроил схему доступа на ходу, пройдя через субвисочный путь так чисто, словно резал не живого человека, а спелый арбуз.

— Гемостаз идеальный, — Марк Саламонович выпрямил спину. Позвоночник отозвался сухим, глухим хрустом в районе поясницы. Старость — дрянная штука, даже если ты возглавляешь ведущий нейрохирургический центр страны и твои руки застрахованы на восьмизначную сумму. — Ковалева, зашивай апоневроз и кожу. Сама справишься. Я на боковую. Если будет подтекание по дренажу больше пятидесяти миллилитров за час — будить меня сразу.

Он содрал с себя латексные перчатки — они с тихим шлепком улетели в контейнер для утилизации биоотходов. Стянул маску, обнажая бледное, испещренное глубокими морщинами лицо с жестким, тяжелым подбородком и умными, совершенно не уставшими глазами.

Марк Саламонович Вознесенский был гением. И он прекрасно об этом знал. Без ложной скромности, без кокетства. Его монографии лежали на столах студентов от Токио до Нью-Йорка, его авторская методика пластики синусов твердой мозговой оболочки спасла тысячи жизней. Он жил этой работой. У него не было семьи, не было хобби, не было дачи. Была только операционная и бесконечный, пульсирующий в ритме систолы и диастолы поток чужих жизней.

Выйдя из шлюза операционного блока, он прошел мимо пустых постов вечерней смены. Время близилось к трем часам ночи. Коридоры института тонули в полумраке, автоматическая система вентиляции едва слышно гнала очищенный, пахнущий озоном и легкой химией воздух. Вознесенский шел к служебной лестнице, сознательно игнорируя лифт — после многочасовых операций нужно было хоть немного разогнать кровь в затекших ногах.

На площадке третьего этажа было темно. Энергосберегающие панели горели в четверть силы.

— Вознесенский! — хриплый, надрывный крик заставил хирурга остановиться.

Из тени возле окна шагнул человек. Фигура в грязном, расстегнутом пальто, из-под которого виднелась мятая домашняя футболка. Лицо мужчины было серым, глаза — дикими, с расширенными зрачками, в которых горело опасное, безумное пламя. Вознесенский мгновенно узнал его. Это был Полуянов. Муж пациентки, которую привезли неде-

лю назад с неоперабельной глиобластомой четвертой стадии. Опухоль проросла в ствол мозга. Марк Саламонович тогда лично вышел к нему и прямо, без сопливой жалости сказал: «Операция бессмысленна. Осталось две недели. Обеспечьте уход».

— Полуянов? Вы что здесь делаете в такое время? Выход на лестницу ограничен, — Вознесенский нахмурился, делая шаг вперед, собираясь перекрыть безумцу проход к операционным.

— Вы её убили! — мужчина сорвался на визг, слюна брызнула из его рта. — Вы все... твари в белых халатах! Зажравшиеся палачи! Вы ставите эксперименты! Вы отказались её резать, потому что вам не заплатили! Вы её приговорили!

— Послушайте меня внимательно, — голос Марка Саламоновича оставался ледяным. Он не боялся. За сорок лет практики он видел сотни психопатов в состоянии аффекта. — У вашей жены тотальное поражение стволовых структур. Любой нож в этой зоне — мгновенная смерть на столе. Идите домой. Нам обоим нужно отдохнуть.

— Нет... нет, доктор. Отдыхать ты будешь в другом месте, — Полуянов резко выдернул руку из кармана пальто.

В тусклом свете блеснуло лезвие — тяжелое, граненое шило с самодельной деревянной ручкой. Марк Саламонович успел оценить траекторию удара чисто профессионально. Он попытался перехватить руку сумасшедшего, но семидесятилетнее тело, измочаленное двенадцатью часами сложнейшей

работы, среагировало с опозданием на доли секунды.

Шило вошло легко, с мерзким хрустом преодолев сопротивление хряща. Чуть ниже левого угла нижней челюсти. Вверх и вглубь.

Вознесенский не почувствовал боли. Сначала был просто сильный, тупой удар, словно его стукнули бревном. Потом пришло тепло. Горячая, густая волна хлынула за воротник хирургического костюма.

«Левая внутренняя сонная артерия, — отстраненно, с пугающей четкостью зафиксировал мозг великого нейрохирурга. — Повреждение сквозное. Смерть наступит от острой гипоксии коры головного мозга в течение полутора-двух минут. Шансов на самопомощь ноль».

Полуянов что-то кричал, выдергивая оружие, собираясь ударить еще раз, но Марк Саламонович уже не слышал его. Ноги подогнулись, спина скользнула по холодному кафелю стены. В глазах стремительно темнело, сужая обзор до крошечной, тающей точки. Мысли, обычно четкие и быстрые, начали вязнуть, как мухи в сиропе.

«Глупая... абсолютно глупая, нетехнологичная смерть», — подумал Вознесенский, закрывая глаза. Последнее, что он зафиксировал — это нарастающий, оглушительный писк в собственных ушах. Мозг отключал периферию. Свет погас.

— Жека! Жека, вставай! Ты сдох там, что ли? Нас же Козлов живьем сожрет и не поморщится!

Звук пробился сквозь плотную, ватную тишину не сразу.

Сначала пришла боль. Но не в шее, где должно было зиять смертельное отверстие от шила, а везде. Голова раскалывалась так, словно по ней методично били чугунным молотком. Во рту было сухо, присутствовал отчетливый, отвратительный привкус дешевого алкоголя, застарелого табачного дыма и чего-то химически-сладкого.

Марк Саламонович открыл глаза и тут же зажмурился от резкого, бьющего по сетчатке солнечного света.

— Ну слава богу, живой, — раздался сверху гнусавый, ломающийся юношеский голос. — Давай, разлепляй фары. Время без двадцати восемь. Если мы опоздаем на первую лекцию по анатомии, Козлов нам этот зачетный семестр устроит в режиме анальной деструкции. Он мажоров вроде тебя на завтрак ест.

Вознесенский сел. Тело отозвалось вялостью, мышцы были какими-то мягкими, нетренированными, совершенно чужими. Он посмотрел на свои руки.

Это были не его руки.

Где узловатые, сухие пальцы с легким возрастным тремором, который исчезал только у операционного стола? Где шрам на левом запястье от ожога в детстве? Перед ним были гладкие, пухлые ладони девятнадцатилетнего парня, с короткими, неаккуратно подстриженными ногтями. На правой руке желтело пятно от вейпа.

— Что за... — попытался сказать Марк Саламонович, но из горла вырвался лишь сиплый, прокуренный баритон.

Он огляделся. Комната была небольшой, заваленной хламом. На полу валялись пустые банки из-под энергетиков, коробки от пиццы, какие-то яркие шмотки с непонятными логотипами. На столе стоял мощный игровой компьютер с тремя мониторами. Рядом с клавиатурой валялся открытый учебник... Марк Саламонович прищурился. «Анатомия человека. Привес». Издание старое, бумажное.

Перед ним стоял парень лет восемнадцати в мятой толстовке, с дурацкой стрижкой и прыщавым лбом. В руках он держал телефон. На экране телефона светилась дата: **6 сентября 2026 года**.

«Двадцать шестой? — мозг Вознесенского, привыкший обрабатывать критическую информацию за секунды, выдал короткое замыкание. — Какого черта? Я умер в операционном блоке в конце века. Сейчас двадцать шестой год. До моего рождения еще... стоп». И в этот момент его накрыло. Это не было похожем на чтение книги. Это был взрыв. Чужая память хлынула в его сознание мутным, грязным селевым потоком, вымывая остатки дезориентации.

Евгений Владимирович Климов. Восемнадцать лет. Единственный сын Владимира Климова, крупного чиновника из Министерства здравоохранения, курирующего закупки медицинского оборудования по Московскому региону. Мать — владелица сети частных косметологических клиник. Сам Женя — классическое ничтожество. Ленивый, глуповатый, избалованный парень, который до одиннадцатого класса не

знал, чем отличается артерия от вены, и проводить время предпочитал в клубах Патриарших прудов, спуская родительские деньги на элитный алкоголь.

В медицинский вуз — Первый МГМУ имени Сеченова, на престижнейший лечебный факультет — Женя попал исключительно потому, что отец «занес» кому надо три с половиной миллиона рублей и пообещал закрыть глаза на определенные нарушения в тендерах. Сам Женя учиться не собирался. Он планировал кое-как досидеть до третьего курса, перевестись на коммерческое отделение по косметологии и спокойно работать в маминой клинике, вкалывая ботокс богатым дурам.

Вчера была пятница. Первая неделя учебы. Женя Климов отметил её окончание так, что проснулся только сейчас. Точнее, не проснулся. Настоящий Женя Климов умер около четырех часов утра от острой сердечной недостаточности, вызванной убойной дозой контрафактного алкоголя. Сердце просто не выдержало.

А вот Марк Саламонович Вознесенский — выжил. В его теле.

— Эй, Климов! Ты че, завис? — прыщавый парень (память услужливо подсказала имя: Денис Шахов, одногруппник, такой же блатник, но калибром поменьше) потряс его за плечо. — Вставай, говорю! Одевайся. Машина внизу, я такси вызвал. Нам до Трубецкой ехать минут двадцать, если без пробок.

Марк Саламонович медленно поднялся на ноги. Чужое тело покачивалось, вестибулярный аппарат работал со сбоями, но сознание гениального хирурга уже полностью перехватило управление синапсами и нейронными связями.

«Значит, попадание, — подумал Вознесенский, и на его новом, молодом лице появилась жесткая, совершенно не свойственная прежнему Жене Климову ухмылка. — Альтернативное прошлое. Начало века. Медицина здесь, по моим меркам, находится на уровне каменного века. Они до сих пор режут аппендицит через огромные доступы и считают глиобластому приговором. Что ж... Посмотрим, как устроен этот мир».

Он прошел в ванную, проигнорировав ворчание Шахова. Из зеркала на него смотрел симпатичный, но изнеженный парень с темными кругами под глазами и припухшим от пьянки лицом. Кожа бледная, тургор снижен — парень явно не дружил со спортом.

Марк Саламонович поднял руки. Вытянул их перед собой. Пальцы были длинными — это хорошо. Анатомическое строение кисти вполне приличное, сухожилия не повреждены. Он закрыл глаза и мысленно воспроизвел движение: завязывание хирургического узла одной рукой на глубине раны. Пальцы Климова дернулись, в точности повторяя микродвижения. Руки помнили. Мозг Вознесенского диктовал приказы, и молодое тело, хоть и с трудом, но подчинялось.

— Ну держись, Женя Климов, — тихо шепнул Марк Са-

ламонович собственному отражению. — Диплом у тебя чужой. Но теперь мы будем играть по моим правилам.

Через десять минут они уже сидели на заднем сиденье черного такси, летящего по утренней Москве в сторону Садового кольца. Шахов всю дорогу что-то трещал про вчерашних девчонок, про то, сколько стоил столик в клубе, и как круто, что предки отмажут их от любых проблем.

Вознесенский не слушал. Он лихорадочно анализировал базу данных, оставшуюся от прежнего хозяина тела. Знаний по медицине там не было вообще. Ноль. Женя не знал даже названий костей. Зато в памяти четко отпечатались структура группы. Первокурсники лечфака. Первая группа. Декан — старый приятель отца. И профессор Козлов — заведующий кафедрой анатомии, старый, желчный сухарь, который ненавидел «блатных» всей душой и ставил своей целью отчислить как можно больше мажоров на первой же сессии.

И первая пара сегодня — анатомия. Тема: «Остеология. Позвоночный столб. Череп».

Такси резко затормозило у величественного здания анатомического корпуса на Моховой. Студенты в белых халатах кучками тянулись к массивному входу.

— Приехали, — Шахов выскочил из машины, на ходу натягивая белый медицинский халат. — Бежим, Жека! Три минуты осталось!

Марк Саламонович Вознесенский, он же Евгений Климов, спокойно вышел из машины. Он поправил воротник

куртки, закинул на одно плечо дорогой кожаный рюкзак прежнего Жени и неторопливым, уверенным шагом профессионала, который провел в клиниках всю свою жизнь, направился к дверям вуза.

Его путь к новой вершине начинался прямо сейчас. С первой скамьи анатомического театра.

Глава 2. Анатомический шок

Массивные дубовые двери трибуны анатомического театра Первого МГМУ имени Сеченова помнили, казалось, ещё профессоров императорской эпохи. Запах здесь стоял специфический, въевшийся в самую древесину и каменные плиты пола — густой, сладковатый аромат формалина, смешанный с запахом хлорки и дезинфицирующих средств. Для обычного первокурсника этот коктейль ароматов часто становился причиной внезапного обморока или, как минимум, стойкой тошноты.

Для Марка Саламоновича Вознесенского это был запах дома. Запах юности.

Он спокойно прошёл по крутым ступеням амфитеатра, выискивая глазами свободное место. Студенты первой группы лечебного факультета уже шумели, рассаживаясь по деревянным лавкам. Большинство из них выглядело растерянно: девятнадцатилетние юноши и девушки в хрустящих, только что из магазина белых халатах и медицинских шапочках, из-под которых испуганно поблескивали глаза. Они судорожно листали новенькие атласы Синельникова и Приве-

са, пытаюсь за последние три минуты до звонка вбить в память хоть какие-то латинские термины.

— Жека, сюда! — Денис Шахов помахал рукой со второго ряда. — Я занял. Тут поближе к выходу, если что, можно в телефон повтыкать, пока этот старый хрыч бубнить будет.

Вознесенский молча сел рядом, аккуратно положив перед собой старую тетрадь и обычную шариковую ручку. Настоящий Женя Климов, конечно, притащил бы сюда топовый планшет последней модели, но Марк Саламонович предпочитал классику — моторная память руки, пишущей на бумаге, активизировала кору головного мозга куда эффективнее любого стилуса.

— Ты чё, с ума сошёл? — Шахов уставился на его тетрадку. — А где твой «Айпад»? Ты же вчера хвастался, что тебе батя какую-то лимитированную версию из Дубая привёз.

— Оставил дома, — коротко отрезал Вознесенский, даже не повернув головы. — Мешает концентрироваться.

Денис поперхнулся воздухом и внимательно посмотрел на приятеля. Тот сидел идеально прямо. Spина, которая у прежнего Жени всегда была сгорбленной, сейчас напоминала натянутую струну. Взгляд — холодный, собранный, устремленный строго вниз, на демонстрационный стол, где под простыней угадывались контуры учебного материала. От прежнего вальяжного мажора, который ещё вчера вечером пускал слюни в коктейльный бокал, не осталось и следа.

На первом ряду, прямо перед преподавательским столом,

сидела староста группы — Алина Воропаева. Типичная отличница, поступившая по стобалльному ЕГЭ из провинции: строгие очки, идеально отглаженный халат, три цветные ручки, разложенные в строгом порядке, и взгляд, полный праведной решимости стать лучшей на курсе. Она обернулась, мазнула брезгливым взглядом по Климову и Шахову и что-то тихо шепнула своей подруге. В её картине мира такие, как они, были паразитами, занимающими чужие места. И, надо признать, прежний Женя Климов полностью соответствовал этой характеристике.

Ровно в 9:00 дверь внизу амфитеатра со скрипом отворилась. В зал вошёл профессор Аркадий Валерьевич Козлов.

Это был легендарный человек для Сеченовки. Сухой, поджарый, лет шестидесяти пяти, с абсолютно седой, аккуратно подстриженной бородкой и пронзительными, как у ястреба, глазами за тонкими стеклами очков в титановой оправе. Козлов славился тремя вещами: феноменальным знанием топографической анатомии, полным отсутствием жалости к студентам и лютой, почти карикатурной ненавистью к «целевикам» и блатным мажорам.

Профессор подошёл к столу, не глядя швырнул на него потёртую кожаную папку и обвёл аудиторию тяжёлым взглядом. В амфитеатре мгновенно воцарилась такая тишина, что стало слышно, как жужжит муха у верхнего окна.

— Здравствуйте, господа будущие коллеги, — тихо, но удивительно разборчиво произнёс Козлов. Каждый звук его

голоса буквально ввинчивался в уши первокурсников. — Хотя, признаться честно, коллегами из вас станут в лучшем случае две трети. Остальные отсеются до первой зимней сессии. И я приложу к этому максимум своих скромных усилий. Медицина не терпит дураков, лентяев и тех, чьи родители думают, будто диплом врача можно купить в рассрочку.

При этих словах Козлов совершенно осознанно посмотрел прямо на Евгения Климова. Шахов рядом с Марком Саламоновичем демонстративно сжался, пытаясь мимикрировать под цвет деревянной скамьи. Вознесенский же ответил профессору прямым, спокойным и абсолютно равнодушным взглядом. Козлов едва заметно нахмурился — он ожидал увидеть в глазах мальчишки привычный страх, наглость или глуповатую улыбку, но наткнулся на ледяное спокойствие профессионала.

— Тема нашего первого занятия, — Козлов отвернулся, шагнув к доске, — остеология. Анатомия позвоночного столба и черепа. Базовые понятия, без которых вы в операционной будете выглядеть как мясники на базаре. Воропаева!

Староста мгновенно вскочила, вытянувшись во фронт.

Я! Дайте мне общую характеристику строения типичного позвонка на латыни. Быстро.

Алина глубоко вздохнула и затараторила, явно цитируя учебник:

— Позвонок... *vertebra*... состоит из тела, *corpus vertebrae*, и дуги, *arcus vertebrae*. Они ограничивают позвоночное отверстие, *foramen vertebrale*... От дуги отходят отростки. Остистый отросток — *processus spinosus*, поперечные отростки — *processus transversus*...

— Достаточно, — перебил её Козлов, даже не повернувшись. — Стандартный текст из методички. Тройка с плюсом за механическую память. Садитесь, Воропаева. Философия анатомии не в том, чтобы зазубрить названия, а в том, чтобы понимать архитектонику.

Профессор медленно подошёл к демонстрационному столу, одним движением сдёрнул простыню, обнажая потемневший от времени анатомический муляж человеческого черепа и набор отдельных костей. Он взял в руки сложнейшую, причудливую кость, напоминающую своими очертаниями бабочку.

— Клиновидная кость, — ласково, словно держал хрупкую фарфоровую статуэтку, произнёс Козлов. — *Ossphenoidale*. Сердцевина основания черепа. Самая капризная, самая нелогичная для понимания вчерашнего школьника кость. Ну-ка... давайте проверим, как у нас дела с элитой курса. Климов!

По аудитории пронёсся тихий вздох. Денис Шахов под столом обречённо зажмурился. Алина Воропаева победоносно усмехнулась — все знали, что Женя Климов на ввод-

ном тестировании не смог отличить бедренную кость от плечевой.

— Я, — Марк Саламонович спокойно поднялся со своего места. Он не суетился, не оправдывался. Просто встал и замер.

— О, великие силы, оно разговаривает, — съязвил Козлов, и по аудитории покатались жидкие смешки. Профессор поднял руку, призывая к тишине. — Выйдите к столу, Климов. Порадуйте нас знаниями, за которые ваш уважаемый родитель так усердно ратовал перед приёмной комиссией.

Вознесенский неторопливо спустился по ступеням амфитеатра. Каждое его движение было выверено. Он подошёл к демонстрационному столу, остановился напротив профессора и посмотрел на кость в его руках. Внутри Марка Саламоновича проснулся старый, злой азарт. Этот мальчишка-профессор (а для семидесятилетнего Вознесенского шестидесятилетний Козлов был именно мальчишкой) решил устроить публичную порку? Ну что ж, пускай попробует.

— Возьмите, — Козлов протянул ему кость, ожидая, что парень возьмет её брезгливо или неуклюже.

Марк Саламонович взял клиновидную кость. Взял правильно — тремя пальцами за тело кости, так, чтобы не закрывать обзор анатомических ориентиров. Профессиональный хват хирурга. Козлов это заметил, и в его глазах впервые промелькнуло удивление.

— Слушаю вас, Климов. Покажите мне тело кости, её по-

верхности и... ну, хотя бы парочку отверстий. Если вспомните латынь, я буду крайне удивлен.

— *Os sphenoidale*, клиновидная кость, — голос Вознесенского зазвучал ровно, глубоко, без малейшей дрожи. Это был голос человека, читающего лекцию, а не отвечающего у доски студента. — Занимает центральное положение в основании черепа. Состоит из тела, *corpus*, и трех пар отростков: больших крыльев, *alae majores*, малых крыльев, *alae minores*, и крыловидных отростков, *processus pterygoidei*.

В зале стало тихо. Очень тихо. Алина Воропаева даже подалась вперед, едва не уронив свои цветные ручки.

— Продолжайте, — Козлов прищурился, его ирония куда-то улетучилась.

— Тело кости имеет шесть поверхностей, — Вознесенский развернул кость, указывая кончиком ручки, которую прихватил с собой, точно на анатомические зоны. — На верхней поверхности мы видим так называемое турецкое седло, *sella turcica*. В центре его располагается гипофизарная ямка, *fossa hypophysialis*, где проецируется нижний придаток мозга — гипофиз. Спереди от ямки находится бугорок седла, *tuberculum sellae*, сзади — спинка седла, *dorsum sellae*.

Козлов молчал. Он стоял, скрестив руки на груди, и его взгляд стремительно менялся от недоверия к глубокому шоку. Студенты на лавках зашептались. Шахов открыл рот так широко, что туда могла залететь та самая муха.

— В толще тела кости находится клиновидная пазуха,

sinus sphenoidalis, относящаяся к воздухоносным путям, — продолжал Марк Саламонович, абсолютно не обращая внимания на произведенный эффект. Он был в своей тарелке. Он эту кость вскрывал сотни раз в своей прошлой жизни. — Теперь по поводу отверстий, профессор. У основания большого крыла располагаются три критически важных отверстия. Первое — круглое отверстие, *foramen rotundum*, через которое проходит верхнечелюстной нерв, вторая ветвь тройничного нерва. Второе — овальное отверстие, *foramen ovale*, для нижнечелюстного нерва. И третье, самое латеральное — остистое отверстие, *foramen spinosum*, через которое в полость черепа входит средняя менингеальная артерия.

Вознесенский сделал короткую паузу, посмотрел прямо в ошарашенные глаза Козлова и добавил с едва заметной тонкой ухмылкой:

— Повреждение структуры в зоне *foramen spinosum* при черепно-мозговых травмах чревато формированием эпидуральной гематомы из-за разрыва упомянутой артерии, что требует немедленной декомпрессионной трепанации. Но это уже клиническая анатомия, прошу прощения.

В анатомическом театре повисла мертвая, звенящая тишина. Первокурсники, конечно, не поняли пассажа про эпидуральную гематому, но сама латынь, звучащая из уст вчерашнего мажора-прогульщика так, словно он на ней разговаривал с детства, повергла их в ступор.

Профессор Козлов медленно снял очки. Протёр их краем халата, надел обратно. Его пальцы слегка подрагивали.

— Климов... — тихо произнёс профессор. — Вы где это списали? У вас микронаушник?

— Вы можете осмотреть мои уши, Аркадий Валерьевич, — спокойно ответил Вознесенский, слегка повернув голову. — И обыскать карманы. Анатомия — это структура. Её нельзя просто списать, её нужно видеть пространственно.

Козлов сделал шаг вперед, выхватил из коробки на столе совершенно другую кость — височную, одну из самых сложных для изучения из-за обилия каналов лицевого и слухового нервов.

— Хорошо. Височная кость. *Os temporale*. Каналы. Назовите мне хотя бы проводящий путь лицевого нерва. Откуда заходит, где поворачивает, куда выходит.

Марк Саламонович даже не поморщился. Он взял височную кость, перевернул её каменистую часть к себе.

— Канал лицевого нерва, *canalis facialis*. Начинается на дне внутреннего слухового прохода — *meatus acusticus internus*. Идет горизонтально вперед и латерально, перпендикулярно оси каменистой части. Затем у расщелины канала большого каменистого нерва поворачивает назад и латерально под прямым углом, образуя коленце канала, *geniculum canalis facialis*. Далее идет вдоль оси каменистой части и, наконец, меняет направление на вертикальное, открываясь на основании черепа шилососцевидным отверстием — *foramen*

stylomastoideum.

Когда Вознесенский закончил, Козлов медленно опустился на свой стул. Он смотрел на первокурсника Климова так, словно у того на голове только что выросли рога. Это не был ответ студента первого курса. Это не был даже ответ выпускника. Перед ним стоял человек, который понимал топографию нервных стволов так, будто сам их прокладывает.

— Кто... кто с вами занимался, Климов? — глухо спросил Козлов. — Отец нанял вам профессора из Питера? Или из Германии?

— Я просто решил, что медицина — это моё призвание, Аркадий Валерьевич, — скромно, но с достоинством ответил Марк Саламонович, аккуратно положив кость обратно на стол. — И за лето немного почитал учебники. Мне можно сесть?

— Да... Да, идите, Климов, — Козлов махнул рукой, все еще пребывая в глубоком прострации. — Пять. Жирная, безоговорочная пятерка. Первая пятерка на этом курсе.

Когда Вознесенский поднимался обратно на свой второй ряд, амфитеатр провожал его взглядами, в которых смешались дикий восторг, зависть и абсолютное непонимание. Денис Шахов смотрел на него так, словно Женю похитили инопланетяне и вернули обратно в виде киборга. А Алина Воропаева, староста, провожала его тяжелым, прищуренным взглядом. В её глазах читался четкий вызов: она не верила ни единому слову про «почитал летом». Здесь крылась ка-

кая-то тайна, и она твердо решила узнать, что за игру ведет этот заносчивый мажор.

Марк Саламонович сел на свое место, взял ручку и спокойно открыл тетрадь. Первое сражение в этом чужом, старом мире было выиграно. Но впереди была долгая война за право снова стать тем, кем он был всегда — лучшим.

Глава 3. Тайны латыни и неожиданная союзница

Вторник начался для первой группы лечебного факультета с предмета, который у большинства студентов вызывал стойкую мигрень ещё на стадии взгляда на расписание. Латинский язык. «*Lingua latina*». Язык, на котором уже несколько веков никто не разговаривал вживую, но без которого любой будущий врач автоматически превращался в глухонемого.

Занятие проходило в небольшом, душном кабинете старого корпуса. Преподавательница, доцент Элеонора Михайловна Шапиро — сухопарая женщина неопределенного возраста с огромным пучком седых волос на затылке и тяжелым янтарным бусами на шее — методично выстукивала длинным ногтем по столу ритм латинских склонений. Она преподавала здесь уже тридцать лет и искренне считала, что человек, не способный правильно поставить ударение в слове «*processus*», не имеет права даже приближаться к живому человеку.

— Итак, господа, — Элеонора Михайловна окинула аудиторию скучающим взглядом через бифокальные очки. —

Начнем с элементарного. Проверим, насколько ваши головы свободны от воспоминаний о прошедших выходных. Воропаева, прошу вас. Начнем с крылатых выражений. Без них медик — просто ремесленник.

Алина Воропаева, как всегда сидевшая на первом ряду в идеально отглаженном халате, мгновенно выпрямилась. Её аккуратный носик победоносно вздернулся. Судя по её виду, она всю ночь вместо сна зубрила латинские афоризмы.

— *In via est in medicina via sine lingua latina*, — четко, с идеальным прононсом отчеканила Алина. — Непроходим в медицине путь без латинского языка.

— Прекрасно, Алина, — доцент Шапиро благосклонно кивнула. — А как мы скажем «Не навреди»? Главный постулат нашей профессии?

— *Primum non nocere*, — без запинки выдала староста.

— Замечательно. Радует, что хотя бы у старосты есть понимание дисциплины. А теперь... — взгляд Элеоноры Михайловны коварно скользнул по задним рядам и остановился на Жене Климове.

Слухи о субботнем триумфе Климова на кафедре анатомии уже разлетелись по первому курсу. Профессор Козлов, хоть и был сухарем, в курилке удивленно рассказывал коллегам, что «блатное ничтожество Климов внезапно заговорил как доцент». Шапиро в эти сказки не верила. В её понимании мажоры могли нанять репетитора по одному предмету, чтобы сдать конкретную тему, но общая эрудиция и глубинное

понимание языка у таких персонажей всегда оставались на уровне плинтуса. Она решила лично сбить спесь с выскочки.

— Ну-ка, Климов, — Шапиро опёрлась подбородком на сухие ладони. — Раз уж вы так поразили профессора Козлова, давайте проверим вашу филологическую базу. Переведите мне выражение, которое обязан знать любой клиницист: «*Amor et tussis non celantur*».

Денис Шахов под столом тихонько хмыкнул и шепнул Марку Саламоновичу:

— Жека, это чё-то про амурсы. Скажи, что любовь — это болезнь, не ошибёшься.

Марк Саламонович Вознесенский даже не шелохнулся. В своей прошлой жизни он писал научные статьи на латыни для международных консилиумов, когда это ещё требовалось по строгому академическому протоколу старой школы. Для него этот допрос был детским садом.

Он спокойно поднялся, глядя прямо на преподавательницу.

— Любовь и кашель не скроешь, Элеонора Михайловна, — ровным, уверенным голосом ответил Вознесенский.

По группе прошел смешок. Шапиро удивленно приподняла одну бровь, но сдаваться не собиралась.

— Надо же, угадали. Или знали? Хорошо, Климов. Тогда усложним задачу. Переведите на латынь клинический диагноз: «Закрытый перелом левой плечевой кости». И распи-

шите мне грамматические категории каждого слова.

В кабинете повисла тишина. Студенты зашуршали словарями. Алина Воропаева обернулась, на её губах играла легкая, торжествующая усмешка. Перевод клинических диагнозов — это тема конца первого семестра, первокурсники на второй неделе обучения такого знать просто не могли. Это был откровенный «валительный» вопрос.

Вознесенский вздохнул. Ему было почти смешно. Молодое тело Евгения Климова уже полностью адаптировалось к его мыслям, и сейчас Марк Саламонович чувствовал себя как гроссмейстер, играющий в поддавки с первоклассниками.

— *Fractura clausa humeri sinistri*, — без единой секунды размышления произнес Вознесенский. Голос его звучал мягко, но с той железной интонацией, которая не допускала двояких толкований. — *Fractura* — существительное, женский род, первое склонение, именительный падеж, единственное число. *Clausus* — согласованное прилагательное, женский род, именительный падеж. *Humeri* — существительное, мужской род, второе склонение, родительный падеж, единственное число, выступает в роли несогласованного определения. *Sinistri* — прилагательное, мужской род, родительный падеж, согласуется с существительным *humeri*.

Когда он закончил разбирать фразу, Элеонора Михайловна Шапиро медленно выронила ручку из пальцев. Ручка покатилась по столу и с тихим стуком упала на пол. Доцент да-

же не наклонилась, чтобы её поднять. Она смотрела на Климова так, словно он только что заговорил на древнешумерском.

— Вы... вы учились в классической гимназии с медицинским уклоном? — хрипло спросила она. — Откуда у вас постановка флексий на уровне третьего курса фармацевтического факультета?

— Я просто очень не люблю тратить время впустую, Эленора Михайловна, — Вознесенский слегка улыбнулся одними уголками губ. — Медицина — наука точная. Если не знаешь языка, путаешь понятия. А путаница в рецепте — это смерть пациента. Как говорили древние: «*Ignorantia non est argumentum*» — незнание не является аргументом.

— Пять... — Шапиро судорожно нащупала журнал и поставила размашистую цифру напротив фамилии Климова. — Садитесь, Климов. Вы меня... удивили. Крайне удивили.

Марк Саламонович сел. Шахов рядом с ним сидел с таким видом, словно его лучший друг только что превратился в супергероя из комиксов.

— Чувак, ты реально пугаешь, — прошептал Денис. — Ты где это всё взял? Ты в коме летом лежал и тебе знания напрямую в мозг закачали?

— Меньше тусуйся по клубам, Шахов, и не такое узнаешь, — тихо отшутился Вознесенский, закрывая пустую тетрадь.

После звонка, когда студенты начали шумно собирать вещи, направляясь к выходу, путь Климову преградила Алина

Воропаева. Она стояла у самой двери, скрестив руки на груди. Её карие глаза за стеклами строгих очков смотрели на него с нескрываемым подозрением и долей исследовательской злости.

— Климов, стой, — жестко сказала она, заставив идущего следом Шахова затормозить.

— Слушаю тебя, Алина, — Марк Саламонович остановился, глядя на девушку сверху вниз. Новый Женя Климов был довольно высоким парнем, и этот физический фактор Вознесенский использовал на полную мощность, сохраняя расслабленную, но доминантную осанку.

— Я не верю ни единому твоему слову, — без обиняков заявила староста, сделав шаг ближе. — Я видела твои результаты ЕГЭ. Ты не мог сдать биологию и химию сам, за тебя всё решили. И тут ты приходишь и выдаешь латынь и анатомию на уровне профессуры. В чём прикол? У тебя скрытый микронаушник нового поколения? Или тебе папочка достал экзаменационные билеты и ответы на весь семестр вперед?

Студенты, проходившие мимо, начали притормаживать, почуяв назревающий скандал. Мажор против отличницы — классический сюжет.

Вознесенский не разозлился. Напротив, детская непосредственность Алины вызвала у него внутреннюю улыбку. Ему, человеку с сорокалетним стажем клинической работы, эти студенческие разборки казались милой возней в песочнице.

— Воропаева, — Марк Саламонович сделал полшага вперед, сокращая дистанцию так, что Алина невольно почувствовала тонкий аромат его дорогого парфюма и... странную, тяжелую энергетику взрослого, уверенного в себе мужчины, которой от прежнего Жени никогда не исходило. — Если бы мне слили ответы, я бы отвечал строго по методичке, чтобы не привлекать внимания. Как ты у Козлова. Тихо, серо, на твердую троечку с плюсом.

Алина вспыхнула, её щеки покрылись нежным румянцем возмущения.

— Я ответила нормально! По учебнику!

— Именно. По учебнику, — спокойно повторил Вознесенский, закинув рюкзак на плечо. — Ты зазубрила текст, но не понимаешь, как эти кости работают в живом теле. Ты видишь буквы, а я вижу структуру. Хочешь устроить мне проверку? Без проблем. Давай прямо сейчас.

Он потянулся к её открытому учебнику анатомии, который она держала в руках, и быстро перелистнул страницу, указав пальцем на сложную схему черепных нервов.

— Вот смотри, Алина. Страница сто сорок два. Схема тройничного нерва. На латыни тут написана полная чушь в третьем абзаце, опечатка издательства 2024 года. Там написано «*nervus ophthalmicus*» вместо «*nervus maxillaris*» в контексте иннервации крылонебного узла. Если ты ответишь это на экзамене — Козлов тебя уничтожит, несмотря на все твои

цветные ручки и идеальную посещаемость.

Алина растерянно посмотрела на страницу. Вчиталась. Её глаза округлились. Опечатка действительно была, но заметить её мог только человек, который знал анатомию нервной системы наизусть.

— Откуда... откуда ты это знаешь? — тихо, уже без прежней спеси спросила она, поднимая на него взгляд.

— Я просто умею читать, — Вознесенский мягко улыбнулся, и в этой улыбке не было издевки. Это была теплая, подбадривающая улыбка умудренного опытом наставника. — И кстати, Алина. Твой халат. Треугольный вырез воротника по стандарту СанПиН должен быть застегнут на все пуговицы, если ты находишься в учебной зоне. Иначе Шапиро на следующей паре сделает тебе выговор. Не хотелось бы, чтобы наша лучшая староста пострадала из-за такой глупости.

Он аккуратно, двумя пальцами, поправил воротничок её халата — жест был мимолетным, совершенно не пошлым, но пропитанным такой естественной заботой и авторитетом, что Алина буквально замерла, забыв как дышать.

— До встречи на лекции, староста, — Вознесенский слегка кивнул ей и пошел дальше по коридору. Денис Шахов, ставший свидетелем этой сцены, догнал его у лестницы и восхищенно присвистнул.

— Чувак... Да ты пикапер левела «Бог». Ты видел её лицо?

Воропаева же обычно на парней как на грязь смотрит, а тут чуть в обморок не упала. Ты что с ней сделал?

— Ничего, Денис, — спокойно ответил Марк Саламонович. — Я просто показал ей, что мир устроен немного сложнее, чем написано в её учебниках. Пошли буфет искать, мое молодое тело требует глюкозы. Мозг от такой интенсивной работы жрёт калории как не в себя.

Провожая Климова взглядом, Алина Воропаева стояла посреди коридора, прижимая учебник к груди. Сердце почему-то стучало чуть быстрее обычного. Этот парень... он определенно больше не был тем тупым мажором, каким его все считали. Он изменился. И эти изменения манили её куда сильнее, чем она готова была себе признаться.

Глава 4. Возвращение в родные пенаты

Понедельник в Первом Меде начался с огромной потоковой лекции в Большом лекционном зале. Около двух сотен первокурсников забили деревянные амфитеатры до отказа. Вознесенский сидел на верхнем ряду, спокойно наблюдая за бурлением студенческой массы.

Слухи в медицинском вузе распространяются со скоростью лесного пожара. К утру понедельника история о том, как «блатник Климов размазал профессора Козлова на его же поле, а потом поправил номенклатуру Гросс», обросла фантастическими подробностями. Парни из параллельных групп теперь косились на Женю с уважением — в их глазах он стал партизаном, который умудрился обхитрить систему.

Шахов, сидевший рядом, так и лучился гордостью, словно это он лично переводил клинические диагнозы на латынь. Алина Воропаева, занявшая место на первом ряду, за всю лекцию ни разу не обернулась, но Марк Саламонович спиной чувствовал её напряжение.

Однако по-настоящему серьезное испытание ждало его вечером. Предстоял визит в семейное гнездо Климовых — элитный загородный особняк в поселке «Жуковка» на Рублевском шоссе.

Когда за окном потемнело, к воротам университета подкатил массивный черный «Мерседес» с водителем. Вознесенский сел на заднее сиденье, ощущая легкую иронию судьбы: в своей прошлой жизни он, академик и светило науки, ездил на скромном беспилотном электромобиле отечественного производства, а тут девятнадцатилетний оболтус пользуется благами министерской коррупции.

Дорога заняла около часа. Особняк Климовых встретил его глухим высоким забором, коваными воротами и идеальным английским газоном, который в свете ландшафтных фонарей выглядел ненастоящим. Внутри дом поражал дороговизной и полным отсутствием вкуса: мраморные полы, позолоченные лепнины, тяжелые итальянские люстры — классический интерьер чиновника эпохи первоначального накопления капитала.

В столовой, за длинным дубовым столом, уже сидели родители.

Мать, Ирина Эдуардовна, женщина сорока пяти лет с лицом, до предела натянутым круговой подтяжкой и филлерами из её собственных клиник, лениво ковыряла вилкой салат. Отец, Владимир Сергеевич Климов, плотный, гладко выбритый мужчина с тяжелым взглядом и министерской выправкой, читал что-то в планшете.

— О, явился, — Ирина Эдуардовна мазнула по сыну равнодушным взглядом. — Женечка, ты почему не отвечал на мои сообщения в пятницу? Я тебе скидывала контакт нужного человека, который делает справки для физкультуры. Чтобы ты время не терял на этих стадионах.

— Добрый вечер, — Марк Саламонович прошел к столу, аккуратно отодвинул тяжелый стул и сел. Он двигался спокойно, без привычной для прежнего Жени суеты и развязанности. — Смартфон был на беззвучном режиме. На лекциях это отвлекает.

Отец медленно отложил планшет в сторону. Его густые брови сошлись на переносице. Он внимательно, словно на допросе, уставился на сына. Владимир Сергеевич слишком хорошо знал своего отпрыска. Тот обычно заваливался в дом, швырял куртку на пол, требовал у прислуги еду и с порога начинал канючить деньги на новые брендовые шмотки или ремонт разбитого спорткара. Сейчас перед ним сидел собранный, вежливый молодой человек с абсолютно прямым взглядом.

— На лекциях, говоришь, отвлекает? — голос отца про-

звучал низко, с угрожающими нотками. — Интересно. А мне вот сегодня днем звонил Радомир Юрьевич. Декан твоего факультета, если ты еще не забыл. Ирина Эдуардовна оторвалась от салата и с легкой тревогой посмотрела на мужа.

— Володя, что-то случилось? Наш мальчик опять куда-то вляпался? Только не говори, что его хотят отчислить в первую неделю! Ты же заплатил!

— В том-то и фокус, Ира, что его не отчисляют, — Владимир Сергеевич встал, заложил руки за спину и начал мерить шагами столовую. — Радомир Юрьевич в полном недоумении. Он говорит, что старик Козлов — этот бешеный пес, который из принципа не берет взятки и ненавидит всех моих знакомых — сегодня на ученом совете упомянул нашего Женью. Сказал, что у Климова-младшего феноменальные знания по топографической анатомии и нейрохирургическим доступам.

Отец остановился прямо за спиной Вознесенского, тяжело опустив ладони на спинку его стула.

— А теперь ответь мне, сынок. Что за игру ты ведешь? Откуда у тебя эти знания? Радомир прямо спросил: «Володя, твой пацан случайно не связался с какими-то фармацевтическими подпольщиками? Или он сидит на каких-то новых стимуляторах для мозга, которые сейчас тестируют в частных лабораториях?» Ты же двух слов связать не мог! Какая, к черту, клиническая анатомия?

Марк Саламонович сохранял абсолютное хладнокровие. Он взял салфетку, вытер пальцы и повернулся к отцу. В его глазах не было ни капли страха, который обычно парализовал прежнего Женю перед родителем.

— Владимир Сергеевич, — спокойно начал Вознесенский, сознательно уйдя от фамильярного «пап». — Спешу вас успокоить. Никаких стимуляторов, подпольной химии или афер здесь нет. Мой мозг абсолютно чист. Можете заказать для меня любой токсикологический скрининг в независимой лаборатории прямо сейчас.

Отец прищурился. Обращение по имени-отчеству и этот ледяной, уверенный тон подействовали на него как ушат холодной воды.

— Тогда как ты это объяснишь?

— Всё очень просто, — Марк Саламонович откинулся на спинку стула. — В конце августа, после нашей последней... бурной вечеринки, я едва не погиб. У меня случился тяжелый приступ, сердце почти остановилось. Назовем это клинической смертью или глубоким кризисом. Когда я пришел в себя, я понял, что качусь на дно. И что диплом, который вы мне купили, сделает из меня не врача, а убийцу в белом халате. Мне стало противно.

Ирина Эдуардовна охнула, прижав ладонь к груди.

— Женечка, господи... Какое сердце? Почему ты мне ни-

чего не сказал?

— Потому что вы были заняты открытием нового филиала в Барвихе, мама, мягко, но с ощутимым укором произнес Вознесенский. Последние две недели лета я не вылезал из медицинских библиотек. Я читал по шестнадцать часов в сутки. Оказалось, у меня отличная визуальная память. Я буквально впитываю текст. То, что Козлов принял за гениальность — просто результат жесткой, фанатичной работы. Я решил, что раз уж я занимаю это место в Первом Меде, я стану лучшим. Не ради твоих связей, отец. Ради себя.

Владимир Сергеевич долго молчал, вглядываясь в лицо сына. Он, как опытный аппаратчик и чиновник высшего ранга, привык видеть ложь за версту. Но сейчас он видел перед собой человека, который говорил с ним на равных. Более того, в интонациях сына сквозила такая властность и авторитет, каких сам Владимир Сергеевич добивался годами номенклатурной борьбы.

— Почитал книжки за две недели, значит... — протянул отец, возвращаясь на свое место. В его глазах подозрительность начала медленно уступать место чему-то похожему на жесткую министерскую гордость. — Ну-ка, раз ты у нас такой начитанный. На следующей неделе министерство подписывает контракт на закупку партии китайских магнитно-резонансных томографов нового поколения для городских больниц. Мои аналитики поют соловьем, говорят — сказка, экономия бюджета тридцать процентов. Что дума-

ешь?

Марк Саламонович внутренне усмехнулся. Эти китайские МРТ начала века он прекрасно помнил по историческим хроникам медицины. Их программное обеспечение давало артефакты при визуализации мелких аневризм, из-за чего в конце 2020-х годов случился крупный скандал.

— Если речь идет о фирме «SinoMed» или их суббрендах — не советую, — сухо произнес Вознесенский. — Их градиентные катушки имеют высокий уровень радиочастотного шума, который размывает шаг сканирования менее двух миллиметров. Для общей хирургии сойдет, но для нейрохирургии и ранней диагностики инсультов это хлам. Вы получите всплеск смертности от недиагностированных патологий через год, и никакая экономия бюджета не покроет скандал в прессе. Если хотите чистый контракт — берите корейцев, у них шаг субмиллиметровый и софт надежнее.

Владимир Сергеевич замер с вилкой в руке. Информация о суббрендах и градиентных катушках была конфиденциальной, её не было в открытых буклетах. Консультанты министерства спорили об этом третью неделю, используя именно эти термины.

— Откуда... откуда ты это знаешь? — тихо, почти шепотом спросил отец.

— Я же сказал, я много читаю, Владимир Сергеевич. И умею анализировать медицинскую периодику, — Марк Саламонович поднялся со стола, аккуратно поклонившись ро-

дителям. — Спасибо за ужин. Мне пора возвращаться в город. Завтра рано утром сложная лабораторная по гистологии. Не хочу опаздывать.

Когда за Евгением закрылась тяжелая входная дверь, в столовой особняка воцарилась тишина.

— Володя... — робко произнесла Ирина Эдуардовна. — Мне страшно. Это вообще наш сын? Он разговаривает как какой-то профессор. Мой Женечка никогда не знал слова «градиентный».

Владимир Сергеевич медленно налил себе в бокал виски, выпил его залпом и нажал кнопку вызова на селекторе.

— Николай, — бросил он водителю. — Вези Евгения в его квартиру. Рули аккуратно. И с этого дня... докладывай мне о каждом его шаге.

Отец откинулся на спинку стула, на его лице впервые за много лет появилась мрачная, но довольная ухмылка.

— Ира, успокойся. Наш пацан просто повзрослел. И, кажется, у него яйца стали крепче, чем у половины моего департамента. Если он продолжит в том же духе, через пару лет мы сможем подмять под себя всю медицинскую науку столицы. Пускай учится. Марк Саламонович ехал в машине по ночной Москве, глядя на огни Москва-Сити. Первое домашнее соглашение было достигнуто. Отец больше не будет докучать ему глупыми подозрениями, он занят бизнесом. Те-

перь можно было полностью сосредоточиться на главной задаче — учебе и создании собственного авторитета в университете.

Впереди был вторник, который готовил для него новые, куда более динамичные события.

Глава 5. Защита старосты

Дождливый сентябрьский вечер мягко опускался на корпуса Сеченовского университета, превращая внутренние дворы в лабиринт из желтых отражений фонарей и глубоких черных луж. Время близилось к восьми часам вечера. Большинство студентов уже разъехались по домам, и только в окнах старого анатомического корпуса на Моховой еще теплился тусклый, зеленоватый свет.

В читальном зале библиотеки, окруженная массивными шкафами из мореного дуба, сидела Алина Воропаева. Перед ней высилась стопка старых, пожелтевших журналов «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии» за прошлый век. Девушка судорожно конспектировала статью о топографии синусов твердой мозговой оболочки для своего будущего доклада на студенческом научном обществе. Глаза её слезились от мелкого шрифта, а пальцы, сжимавшие капиллярную ручку, уже подрагивали от усталости.

— Девушка, мы закрываемся, — негромко проскрипела пожилая библиотекарьша, связывая пачку газет бечевкой. — Сдавайте книги. Свет на ночь отключаем.

— Да-да, Элла Андреевна, еще одну минутку, букваль-

но абзац допишу, — Алина торопливо черкнула последнюю строчку, захлопнула тетрадь и устало выдохнула.

Через пять минут, натянув поверх свитера легкую куртку и закинув на плечо тяжелый рюкзак, староста вышла на темную лестницу корпуса. Внутри здания царила гулкая, почти зловещая тишина. Шаги Алины гулко отдавались от каменных ступеней. Она поправила очки, чувствуя, как от голода слегка кружится голова.

Когда она толкнула тяжелую входную дверь и вышла на массивное крыльцо, дождь почти прекратился, сменившись сырой, пронизывающей изморосью. На широкой гранитной площадке перед входом, прямо под козырьком, стояла компания из трех парней. Это были старшекурсники — активисты университетского спортивного союза, которых в Сеченовке знали многие. Высокие, широкоплечие, в одинаковых темных бомберах с символикой вуза, они громко смеялись, передавая друг другу пластиковые стаканы с кофе из автомата, от которых отчетливо пахло дешевым коньяком.

Центровым в этой компании был Кирилл Харитонов — четверокурсник с педиатрического факультета, мастер спорта по самбо и по совместительству сын одного из главных врачей крупных московских клиник. Харитонов привык чувствовать себя в университете хозяином жизни: долги по учебе ему закрывали за спортивные достижения и папины заслуги, а первокурсники обходили его стороной.

Алина попыталась быстро пройти мимо них, опустив го-

лову и покрепче прижав к себе рюкзак. Ей очень не хотелось привлекать к себе внимание этой компании.

— Опа, смотрите-ка, кто это у нас тут грызет гранит науки в такое время? — вальяжный, насмешливый голос Харитонова заставил Алину вздрогнуть.

Он сделал шаг в сторону, перекрывая ей дорогу к ступенькам. Остальные двое парней с ухмылками переглянулись, полукольцом окружая девушку.

— Извините, мне нужно пройти, — тихо, но стараясь звучать уверенно, произнесла Алина, не поднимая глаз.

— Куда спешишь, красавица? — Харитонов шагнул еще ближе, обдав её густым запахом перегара и дешевого парфюма. Он бесцеремонно протянул руку и аккуратно задел пальцем дужку её очков. — Отличница, да? Первокурсница с лечфака. Я тебя видел на линейке. Чего такая строгая? Давай мы тебя подвезем, у меня машина тут за углом стоит. Посидим где-нибудь, расслабишься. А то от твоих книжек скоро голова лопнет.

— Я никуда с вами не поеду. Пропустите меня, пожалуйста, — в голосе Алины против её воли проскользнула паника. Она попыталась обойти Харитонова справа, но один из его приятелей, плотный парень с бритым затылком, выставил руку, преграждая путь.

— Да ладно тебе, чё ты ломаешься? — Харитонов ухмыльнулся, его голос стал более наглым. Он перехватил лямку её рюкзака. — Мы же по-хорошему предлагаем. Старшие

курсы проявляют заботу о подрастающем поколении. С нами выгодно дружить, мелкая. Зачеты по физре тебе организуем, анатомию подскажем...

— Она же сказала: пропустите её. Или у вас на четвертом курсе проблемы не только с медициной, но и со слухом?

Голос раздался из темноты, со стороны аллеи, ведущей к воротам. Он прозвучал удивительно спокойно, даже лениво, но в этой лени сквозила такая тяжелая, холодная уверенность, что вся компания старшекурсников мгновенно обернулась.

Из серой измороси, мягко ступая по влажному асфальту, вышел Евгений Климов. Он был в расстегнутом черном пальто, руки глубоко утоплены в карманы, на лице — легкое, почти скучающее выражение. Марк Саламонович Вознесенский возвращался из анатомического театра, где договорился с дежурным лаборантом о доступе к редким препаратам сосудистой системы. Он совершенно не планировал становиться героем уличной драки, но пройти мимо плачущей девчонки, которая к тому же была старостой его группы, не позволяла старая врачебная этика.

— О, гляди-ка, мажор Климов прорезался, — Харитонов презрительно сплюнул на гранитный пол, отпуская лямку рюкзака Алины. — Слышь, первокурсник, ты берега попутал?. Твой папаша может в министерстве пальцы веером крутить, а здесь ты никто. Шел мимо — вот и шагай дальше, пока лицо целое.

Алина растерянно посмотрела на Женю. В её глазах застыл немой вопрос и страх: она знала прежнего Климова как трусливого и слабого парня, который при малейшей угрозе бежал жаловаться родителям или предлагал деньги. Против трех здоровых старшекурсников-спортсменов у него не было ни единого шанса.

Но Марк Саламонович даже не изменился в лице. Он подошел ближе, остановившись на расстоянии двух шагов от Харитонова. Новый Женя Климов был на полголовы выше самбиста, и теперь Вознесенский смотрел на него сверху вниз — спокойно, изучающе, словно перед ним был не опасный хулиган, а любопытный клинический случай на обходе.

— Харитонов Кирилл, верно? — негромко произнес Вознесенский, вытаскивая одну руку из кармана пальто. — Сын главного врача тридцать первой больницы. Твой отец — уважаемый хирург, Кирилл. Жаль, что на сыне природа решила взять глубокий академический отпуск.

— Ты чё сказал, сука? — Харитонов вспыхнул, его лицо мгновенно налилось кровью. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума, и схватил Женю за грудки пальто. — Ты кого дураком назвал? Я тебе сейчас зубы внутрь черепа вколочу!

Алина тихо пискнула, закрывая рот ладонью. Двое приятелей Харитонова двинулись вперед, готовые добить первокурсника.

Марк Саламонович даже не попытался вырваться. Он не

поднял рук для защиты. Он просто посмотрел прямо в расширенные от ярости зрачки Харитонова. В этом взгляде девятнадцатилетнего парня внезапно проступила такая страшная, ледяная бездна семидесятилетнего человека, видевшего смерть тысячи раз, что самбист невольно осекся. Его хватка на пальто Жени на долю секунды ослабла.

— Послушай меня внимательно, мальчик, — тихо, почти шепотом произнес Вознесенский. Его голос вибрировал от скрытой, пугающей силы. — Твои пальцы сейчас сжимают ткань в проекции моей левой подключичной артерии. Если ты дернешься чуть сильнее, я не буду с тобой драться. Я не умею драться. Но я идеально знаю анатомию. Женя медленно, плавно поднял руку и положил указательный и средний пальцы на внутреннюю сторону локтевого сгиба Харитонова — точно туда, где проходит двухглавая мышца и пролегает плечевой нервный пучок.

— Прямо под моими пальцами — *nervus medianus*, срединный нерв, — продолжил Вознесенский всё тем же леденящим, лекторским тоном. — Достаточно одного короткого, жесткого удара моим ключом от квартиры под углом в сорок пять градусов, и твоя правая кисть превратится в плеть. Навсегда. Ты больше не то что кулак сжать — ты ложку удерживать не сможешь. Твой отец-хирург будет долго плакать, изучая результаты МРТ, но сшить разрушенный нервный ствол в этой зоне не сможет даже он. Ты хочешь проверить мою точность, Кирилл?

Пальцы Жени слегка надавили на точку. Харитонов резко, словно от удара током, отдернул руку. По его предплечью прошла судорожная волна, пальцы кисти произвольно раскрылись. Самбист отступил на шаг, его дыхание стало тяжелым, а в глазах вместо ярости появился дикий, животный страх. Он почувствовал, что этот парень перед ним не блефует. В его голосе не было подростковой похвальбы — там была холодная, хирургическая констатация факта. Перед ним стоял сумасшедший, который действительно мог это сделать.

— Ты... ты больной, Климов, — прохрипел Харитонов, пряча дрожащую руку в карман бомбера. — Псих ненормальный...

— Возможно, — Вознесенский спокойно поправил лацканы своего пальто и повернулся к Алине, которая стояла ни жива ни мертва, переводя взгляд с одного парня на другого. — Алина, твоё такси уже подъехало к воротам. Позволь мне проводить тебя. Здесь слишком сыро, а нам завтра нельзя пропускать гистологию.

Он мягко взял девушку за локоть — его рука была абсолютно спокойной и теплой. Алина, словно под гипнозом, сделала шаг за ним.

Двое приятелей Харитонova попытались было дернуться им вслед, но Кирилл сам схватил одного из них за плечо.

— Не надо, пацаны... Оставьте его. Ну его на хер, он ре-

ально конченный. Пошли отсюда.

Женя и Алина молча шли по темной аллее университета. Дождь снова начал накрапывать, шурша по листьям старых лип. Девушка шла рядом, чуть ли не бегом поспевая за широким шагом Климова. Её всю мелкой дрожью била нервная реакция на пережитый стресс.

— К-климов... — наконец выдавила она, когда они подошли к кованым воротам, у которых действительно стояла желтая машина с шашечками. — Что это сейчас было? Ты... ты правда мог сломать ему руку? Одним пальцем?

Марк Саламонович остановился у двери такси, открыл её перед девушкой и мягко улыбнулся. В свете уличного фонаря его лицо снова выглядело молодым, симпатичным и совершенно не опасным.

— Конечно нет, Алина, — с легким юмором в голосе произнес он. — Чтобы разрушить срединный нерв обычным ключом, нужно приложить усилие около тридцати килограммов на квадратный сантиметр, да еще и попасть под идеальным углом. Это практически невозможно в условиях уличной потасовки. Я просто прочитал ему короткую лекцию по неврологии. Как видишь, классическое образование иногда спасает от банального мордобоя. Психология — великая вещь.

Алина посмотрела на него снизу вверх. Страх внутри неё полностью исчез, уступив место какому-то новому, доселе незнакомому чувству. Этот парень, которого вся группа еще

неделю назад считала ничтожеством и блатным дурачком, только что в одиночку, без единого удара, заставил бежать трех здоровых хулиганов. И сделал это так красиво, элегантно и... умно, что у неё перехватило дыхание.

— Спасибо тебе, Женя, — тихо сказала она, и в её голосе впервые прозвучало его имя без капли прежней иронии или подозрительности. — Я... я перед тобой в долгу.

— Ерунда, староста, — Вознесенский слегка подтолкнул её внутрь теплого салона машины. — Садись, а то простудишься. До завтра. И не забудь повторить строение эпителия, профессор Шапиро завтра будет в дурном настроении из-за погоды.

Машина тронулась, увозя Алину в темноту московских улиц. Она обернулась и долго смотрела через заднее стекло на одинокую фигуру Евгения Климова, стоявшую под дождем. Этот первокурсник определенно становился самой большой и манящей тайной её жизни. А Марк Саламонович, проводив машину взглядом, лишь поглубже спрятал руки в карманы пальто и направился в сторону метро, тихо напевая себе под нос старинный студенческий мотив.

Глава 6. Посвящение в баре «Скальпель»

Пятничный вечер окрасил московские улицы в неоновые тона. Первокурсники лечебного факультета ждали этого дня с замиранием сердца. Посвящение в студенты — неофициальное, дикое, организуемое старшими курсами втайне от деканата — было вековой традицией. В этот раз местом дей-

ствия выбрали популярный лофт-бар с ироничным названием «Скальпель», затерянный в кирпичных переулках бывших фабричных зон Бауманской.

Марк Саламонович Вознесенский идти туда категорически не хотел. Перспектива проводить вечер в душном помещении под грохот современной музыки, которую его новый организм воспринимал как бессистемный акустический мусор, казалась ему сомнительным удовольствием. Однако Денис Шахов проявил чудеса настойчивости.

— Жека, ты обалдел? — Шахов буквально за локоть тащил его от выхода из метро, на ходу поправляя воротник модной оверсайз-рубашки. — Там будет весь поток! Даже Воропаева обещала прийти. Если мы не явимся, нас до конца шестого курса будут считать ботанами и отшельниками. К тому же старшаки приготовили какие-то адские конкурсы для первокуров. Надо показать им, что группа Климова — это не пушечное мясо!

— Денис, то, что ты называешь «показать им», обычно заканчивается головной болью и потерей драгоценных часов сна, — сухо отозвался Вознесенский, но шаг не замедлил.

В конце концов, Марк Саламонович понимал: чтобы стать лидером в этой среде и в будущем собрать вокруг себя сильную команду для научных проектов, нельзя оставаться тенью. Нужно играть по правилам этого социума. Пока что.

Лофт «Скальпель» встретил их гулом сотен голосов, приглушенным басовым битом и запахом газировки, пиццы и

цитрусовых кальянов. Пространство было оформлено в полумедицинском стиле: на стенах висели неоновые изображения кардиограмм, а напитки за барной стойкой наливали в мерные химические стаканы и колбы. Весь первый курс лечфака уже был здесь. Студенты, сбросив строгие белые халаты, выглядели совершенно иначе — яркие, шумные, молодые.

— О, Климов пришел! — пронесся слух по залу.

После событий в анатомичке и инцидента на крыльце с Харитоновым (о котором Алина, несмотря на обещание молчать, всё же шепнула подругам) Женя стал живой легендой. Парни расступались, кивая с уважением, а девушки из параллельных групп начали открыто рассматривать его, перешептываясь и поправляя макияж. Новый Климов — высокий, с прямой спиной, ироничным прищуром и аурой абсолютной недоступности — манил их куда сильнее прежнего хвастливого мажора.

На диванах у стены сидели девчонки из их первой группы. Алина Воропаева была в аккуратном темно-синем платье, без своих привычных строгих очков — вместо них она надела линзы, отчего её глаза казались огромными и беззащитными. Когда Женя вошел, она мгновенно перевела на него взгляд. На её щеках проступил едва заметный румянец, и она коротко, смущенно кивнула ему. Вознесенский ответил ей легким, едва заметным поклоном истинного джентльмена.

В центре лофта, на импровизированной сцене, зажегся прожектор. К микрофону вышел пятикурсник Олег Земцов — колоритный парень в футболке с надписью «Anatomia — это просто», местный шоумен и капитан университетской лиги КВН.

— Так, салаты! То есть, первокурсники, минуту внимания! — гаркнул Земцов в микрофон, и гул в зале приутих. — Деканат думает, что посвятил вас, выдав студенческие билеты. Но мы-то знаем, что настоящий медик рождается в муках! Старшие курсы приготовили для вас традиционный челендж «на слабо». Кто из первого курса готов доказать, что у него стальные нервы и он достоин носить гордое звание студента Сеченовки? Ну-ка, где наши блатные, где наши отличники?

Земцов хитро прищурился, выискивая глазами жертву. Старшекурсники зааплодировали.

— Давай Климова! — крикнул кто-то из глубины зала. Это был один из приятелей Харитонова, решивший устроить Жене мелкую пакость. — Пускай Климов покажет класс! Он у нас теперь главный гений!

Группа подхватила призыв. Шахов испуганно посмотрел на друга, а Алина Воропаева напряглась, готовая вмешаться и защитить своего спасителя.

Марк Саламонович лишь усмехнулся. Он спокойно передал свой рюкзак Денису и, не торопясь, под одобрительный свист потока вышел к сцене. Движения его были расслаблен-

ными. Он поднялся на подиум, глядя на Земцова с вежливым, но слегка снисходительным интересом.

— Отлично! Евгений Климов, первый курс, легенда первой недели! — провозгласил Земцов, потирая руки. — Жена, правила просты. Конкурс называется «Диагноз по фотографии». Но поскольку вы еще ничего не знаете, мы проверим твою интуицию и стрессоустойчивость. Вот тебе первая медицинская загадка.

На большом экране за спиной Земцова появилось изображение классического советского мультфильма — Винни-Пух, который застрял в норе у Кролика после того, как съел слишком много меда.

Зал разразился хохотом. Старшекурсники явно рассчитывали на банальные шутки ниже пояса, которые обычно отпускали первокурсники в таких ситуациях.

— Итак, Климов, — ухмыльнулся Земцов. — Сформулируй мне клинический диагноз данного пациента с точки зрения классической медицины. Без использования нецензурных слов, разумеется. Время пошло!

Марк Саламонович посмотрел на экран. Тонкий, академический юмор старой школы — это было то, что он любил больше всего. Он подошел к микрофону, слегка наклонил его под свой рост.

— Перед нами классический случай острого алиментарного полиэтиологического констипационного синдрома, — ровным, серьезным голосом произнес Вознесенский. В за-

ле мгновенно наступила тишина. — Пациент, склонный к хроническому ожирению первого типа, совершил чрезмерное разовое потребление высокоуглеводной пищи — в данном случае меда и сгущенного молока. Это привело к резкому увеличению объема химуса в нижних отделах кишечника и манифестации синдрома заклинивания в узком доступе, осложненного механической асфиксией нижней половины туловища.

Студенты на секунду замерли, переваривая услышанное, а затем лофт буквально взорвался от хохота и аплодисментов. Профессорский тон Жени в сочетании с мультяшным Винни-Пухом произвел зубодробительный эффект. Даже Земцов на секунду потерял дар речи.

— Э-э... сильно, — протянул ведущий, нервно листая свои карточки. — Ладно, Климов, это была разминка. Переходим к тяжелой артиллерии. Конкурс на координацию и мелкую моторику. Хирург должен обладать идеальными руками.

На сцену вынесли небольшой столик, на котором стояла детская настольная игра «Операция» — пластиковый человечек с металлическими прорезями, из которых нужно тонкими пинцетами доставать мелкие пластиковые «косточки» и «органы». Если пинцет касался краев раны, раздавался громкий, противный писк и загорался красный нос пациента. Игра была усложнена: старшекурсники прикрепили к пинцету тяжелый провод, который вибрировал, имитируя

тремор рук после бессонной ночи.

— Твоя задача, Женя, — Земцов вручил ему пинцет. — За тридцать секунд достать «аппендикс» из самой узкой про-
резы. С этой вибрацией даже наши интерны справляются че-
рез раз. Если запищит — ты проиграл, и твоя группа поку-
пает пиццу всему четвертому курсу.

— Ого, жестко! — зашептались в толпе. Нагрузка на руку
была действительно приличной, вибратор на пинцете мелко
колотил пальцы.

Вознесенский взял инструмент. Его новое девятнадцати-
летнее тело отозвалось легким мышечным сопротивлением,
но разум великого нейрохирурга, который сорок лет работал
в субмиллиметровых зонах человеческого мозга, мгновен-
но перехватил контроль над моторикой. Он сделал глубокий
вдох, стабилизируя дыхание. Частота сердечных сокраще-
ний снизилась. Его пальцы, сжимавшие вибрирующий пин-
цет, внезапно замерли с точностью гидравлического пресса.
Вибрация провода словно растворилась в его руке, гасясь
микронапряжением сухожилий.

Женя наклонился над пластиковым человечком. Один
точный, молниеносный спуск пинцета в узкую щель. Пальцы
сжали крошечную пластиковую деталь. Медленный, идеаль-
но ровный подъем по траектории, исключаящей даже мил-
лиметровый сдвиг в сторону.

Ни единого звука. Красный нос игрушки остался темным.
Через три секунды Вознесенский аккуратно положил из-

влеченный «орган» на стол.

В зале повисла благоговейная тишина. Олег Земцов посмотрел на секундомер, потом на игрушку, потом на Климова.

— Три секунды... — ошарашенно произнес ведущий. — Без единого касания? Да ладно, этот аппарат вообще работает?

Земцов сам ткнул пинцетом в прорезь — игрушка тут же мерзко и громко запищала на весь зал.

— Работает, — спокойно констатировал Марк Саламонович, аккуратно кладя пинцет на стол и вытирая пальцы салфеткой. — В хирургии, коллеги, главное — не бороться с тремором, а использовать его частоту для синхронизации с микродвижениями инструмента. Физика и никакой магии.

Лофт взорвался такими овациями, каких Бауманская не слышала со времен победы университетской сборной в межвузовском чемпионате. Первокурсники лечфака орали от восторга. Денис Шахов прыгал, размахивая руками, а Алина Воропаева смотрела на Женю сияющими глазами, в которых читалось абсолютное, безоговорочное восхищение. Этот парень только что не просто защитил честь группы — он элегантно и с легким юмором поставил на место заносчивых старшекурсников, сделав это на высочайшем профессиональном уровне.

Олег Земцов уважительно протянул Жене руку.

— Климов, признаю. Ты чертовски хорош. Посвящение пройдено по высшему разряду. Господа первокурсники, у вас на курсе растёт либо гений, либо очень опасный симулянт!

Марк Саламонович спустился со сцены. К нему тут же хлынула толпа студентов, девчонки наперебой пытались предложить ему напитки или просто заговорить, но он мягко, с неизменной улыбкой лавировал между ними, направляясь к диванам своей группы.

Он сел рядом с Алиной. Девушка слегка повернулась к нему, её дыхание было частым.

— Это было... невероятно, Женя, — тихо сказала она, глядя на его расслабленные, сильные руки. — У тебя правда такие железные нервы?

— Просто хороший глазомер и немного практики, Алина, — Вознесенский подмигнул ей, и в его взгляде не было прежней холодной отстраненности. Ему начинала нравиться эта новая жизнь. Жизнь, где он снова был молод, полон сил и мог заново пройти путь к вершине, меняя этот мир к лучшему. — Ну что, староста, теперь мы официально студенты? Как там на латыни? «*Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*» — Будем же радоваться, пока мы молоды.

Алина рассмеялась — искренне, тепло и очень красиво. И в этот момент Марк Саламонович окончательно понял: этот альтернативный 2026 год определенно заслуживает того, чтобы в нем задержаться.

Глава 7. Анатомический прецедент

Сентябрь катился своим чередом, и первоначальная эйфория первокурсников от поступления в Первый Мед окончательно сменилась суровыми буднями. Объемы информации, которые требовалось заучивать наизусть ежедневно, росли лавинообразно. В коридорах университета всё чаще можно было встретить студентов с бледными лицами и синяками под глазами от хронического недосыпа, судорожно повторяющих классификацию тканей по гистологии или мышечные каналы.

Для Марка Саламоновича Вознесенского, запертого в молодом теле Евгения Климова, этот ритм был привычным и даже комфортным. Его новый мозг работал как идеально смазанный часовой механизм. Вся программа первого курса была для него пройденным этапом, поэтому свободное время он тратил на стратегические задачи. Чтобы получить реальный доступ к операционному столу в этой эпохе как можно раньше, ему требовался официальный статус. А кратчайший путь к нему лежал через СНО — Студенческое научное общество.

В четверг вечером на доске объявлений кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии появилось скромное извещение: «Первое организационное заседание кружка СНО. Приглашаются студенты 1–6 курсов».

— Жека, ты серьезно туда идешь? — Денис Шахов удивленно pokrutil пальцем у виска, когда они выходили из лек-

ционного зала. — Научный кружок? Чувак, там же сидят самые душные ботаники со всего университета. Они там часами перемывают кости и спорят о длине какого-нибудь сухожилия. Поехали лучше в кино, девчонок позовем.

— В кино ты съездишь без меня, Денис, — спокойно ответил Вознесенский, застегивая пальто. — Мне нужно осмотреться на кафедре хирургии. Без кружка меня не подпустят к клинической базе. Если хочешь развиваться — советую пойти со мной.

Шахов обреченно вздохнул, но от друга не отстал. В последнее время авторитет Жени для него стал непререкаемым.

Когда они подошли к кабинету СНО, расположенному в полуподвальном, дышащем историей крыле старого корпуса, Вознесенский заметил Алину Воропаеву. Староста стояла у двери, прижимая к себе пухлую папку с набросками своего доклада. Увидев Женю, она открыто и тепло улыбнулась. После инцидента с Харитоновым в её взгляде больше не было ни капли прежнего недоверия.

— Привет, Женя. Ты тоже решили записаться в кружок? — спросила она, когда они вместе вошли в аудиторию.

— Привет, Алина. Да, хочу посмотреть, чем дышит современная студенческая наука, — ответил Марк Саламонович, выбирая место на среднем ряду.

Кабинет СНО был оформлен строго: длинный демонстрационный стол в центре, шкафы с влажными анатомически-

ми препаратами в банках с формалином и статоскоп на подставке. За столом сидел куратор кружка — молодой, амбициозный кандидат медицинских наук, доцент кафедры Игорь Андреевич Самойлов. Ему было около тридцати пяти лет, он активно оперировал в университетской клинике и считался восходящей звездой московской нейрохирургии. Самойлов носил модные очки, стильный хирургический костюм под халатом и смотрел на собравшихся студентов с легким налетом превосходства профессионала.

Всего в аудитории собралось около двадцати человек. В основном это были старшекурсники четвертого и пятого курсов — важные, высокомерные ребята, которые уже считали себя почти готовыми хирургами и посматривали на затесавшихся первокурсников Климова, Шахова и Воропаеву как на досадную помеху.

— Итак, господа, начнем, — Самойлов постучал ручкой по столу, призывая к порядку. — Рад видеть новые лица, хотя сразу предупреждаю: наш кружок — это не кружок по интересам. Здесь мы занимаемся реальной топографической анатомией и разбором сложных клинических кейсов. Халявы не будет. Тот, кто пришел сюда за красивой строчкой в резюме для ординатуры — может выйти прямо сейчас.

Куратор сделал паузу, но никто не шелохнулся. Старшекурсники согласно закивали.

— Отлично, — Самойлов включил проектор. На белом экране появились снимки компьютерной томографии и ан-

географии головного мозга. — Тогда начнем. Представляю вам архивный клинический кейс нашей больницы, который мы разбирали на консилиуме в прошлом месяце. Пациент К., сорок два года. Поступил с жалобами на прогрессирующую потерю зрения, жестокие головные боли и глазодвигательные нарушения.

Куратор перелистнул слайд, показывая трехмерную реконструкцию сосудов.

— Диагноз: гигантская мешотчатая аневризма супраклиноидного отдела внутренней сонной артерии слева. Опухолевидная форма. Сложность в том, что шейка аневризмы деформирована и частично вросла в костные структуры переднего наклоненного отростка. Стандартное клипирование невозможно — высокий риск разрыва артерии у основания. Эндovasкулярный метод с заполнением спиральями тоже отклонен из-за риска компрессии зрительного перекреста.

Самойлов облокотился на стол и с хитрой улыбкой обвел аудиторию взглядом.

— Этот кейс до сих пор висит у нас как нерешенный. Пациент находится на консервативной терапии, но это бомба с часовым механизмом. Вопрос к кружковцам, особенно к старшим курсам: какую оперативную тактику вы можете предложить? Как подобраться к аневризме и изолировать её, не убив пациента на столе?

В кабинете воцарилось тяжелое молчание. Четверокурс-

ники начали лихорадочно листать свои блокноты, а пятикурсник с первого ряда — староста кружка, высокомерный парень по фамилии резник — уверенно поднял руку.

— Игорь Андреевич, здесь напрашивается классический транскраниальный доступ по Птерионалу, — звучно начал Резник. — Вскрываем черепную коробку, выходим на переднюю черепную ямку, аккуратно резецируем передний наклоненный отросток алмазным бором, высвобождаем шейку и пробуем наложить фенестрированную клипсу Яшаргила.

Самойлов вздохнул и покачал головой.

— Резник, это теория из учебников двадцатилетней давности. При резекции отростка бором вибрация неизбежно передастся на истонченную стенку аневризмы. Произойдет интраоперационный разрыв. Давление в сонной артерии такое, что вы зальете всё операционное поле кровью за три секунды. Пациент погибнет от геморрагического шока до того, как вы успеете включить отсос. Садись, мимо. Еще варианты?

Резник покраснел и сел, недовольно бурча под нос. Другие старшекурсники предлагали обходной шунт или гипотермическую остановку сердца, но Самойлов хладнокровно разбивал их доводы в пух и прах, доказывая их несостоятельность в условиях реальной операционной.

Марк Саламонович Вознесенский внимательно изучал ангиограмму на экране. Этот кейс был для него до боли зна-

ком — в своем будущем он лично модифицировал методику работы с такими аневризмами. Технологии 2026 года были ограничены, но мануально эту задачу можно было решить и текущим инструментарием. Нужно было лишь мыслить не плоско, а объемно.

Он спокойно поднял руку.

Среди старшекурсников прошел тихий смешок. Резник презрительно фыркнул:

— Смотрите, первокурсник руку тянет. Ты хоть знаешь, где сонная артерия находится, Климов?

Самойлов, который тоже слышал о подвигах Климова на латыни, удивленно приподнял бровь.

— Ну хорошо, Климов. Удивите нас. Какое слово из медицинского словаря вы выучили вчера?

Марк Саламонович встал. Его лицо было абсолютно спокойным, а голос зазвучал с той мягкой, но железной интонацией, которая мгновенно заставила всю аудиторию замолчать.

— Ошибка всех предыдущих ораторов, включая уважаемого коллегу Резника, заключается в том, что вы пытаетесь атаковать аневризму напрямую в зоне поражения, — негромко, но отчетливо произнес Вознесенский. — В данном случае необходимо применить методику контролируемого проксимального гемостаза в сочетании с ретроградным

сифонным доступом.

Игорь Андреевич Самойлов замер. Его расслабленная поза мгновенно исчезла, он подался вперед, впившись взглядом в первокурсника.

— Продолжайте, Климов. Детально.

— Доступ должен быть субфронтальным, экстрадуральным, — Марк Саламонович подошел к экрану, взял указку и точно уколол в основание черепа на снимке. — Мы не трогаем передний наклоненный отросток бором. Вместо этого мы делаем предварительный разрез на шее и выделяем общую сонную артерию для наложения временного турникета. Затем, возвращаясь в полость черепа, мы вскрываем стенку кавернозного синуса по латеральному краю. Проводим временную баллонную окклюзию сифона внутренней сонной артерии чуть ниже места отхождения аневризмы. Давление внутри мешка падает до нуля. Аневризма спадает, становится мягкой. И только тогда мы спокойно, без риска разрыва, отделяем её шейку от костного отростка обычной микрохирургической кюреткой и накладываем изогнутую клипсу. Время тепловой ишемии мозга при этом не превысит четырех минут, что укладывается в рамки терапевтического окна.

Когда Вознесенский закончил и аккуратно положил указку на место, в полуподвальном кабинете СНО повисла такая мертвая тишина, что стало слышно, как капает вода из крана в углу.

Старшекурсники сидели с открытыми ртами. Они не поняли и половины терминов вроде «ретроградный сифонный доступ» или «баллонная окклюзия сифона», но сама логика ответа и та легкость, с которой первокурсник оперировал сложнейшими понятиями топографической анатомии, повергла их в шок. Резник выглядел так, словно его только что публично ударили по лицу мокрой тряпкой.

Куратор кружка Игорь Самойлов медленно поднялся со своего стула. Его очки чуть съехали на кончик носа. Он смотрел на Евгения Климова взглядом человека, который только что увидел, как первоклассник решает уравнения квантовой физики.

— Климов... — Самойлов сглотнул сухой комок в горле. — То, что вы сейчас описали... эта методика сочетанного экстра- и интракраниального доступа... Она была опубликована в единичных статьях американского журнала нейрохирургии буквально полгода назад как экспериментальная. И соавтором там выступал профессор из Цюриха. Откуда у девятнадцатилетнего студента первой недели обучения понимание механики кавернозного синуса?

— Я интересуюсь зарубежной периодикой, Игорь Андреевич, — Вознесенский слегка улыбнулся одними уголками губ. — И мне кажется, что анатомия — это не свод мертвых правил, а живая геометрия. Если понимать, откуда течет кровь, всегда можно перекрыть кран в нужном месте.

Самойлов медленно опустил обратно на стул. На его

лице смешались восторг, недоверие и профессиональный азарт. Он понял, что слухи не врал. Перед ним сидел не просто умный мальчик. Перед ним сидел феномен.

— Что ж... — куратор поправил очки. — Тема вашего доклада на итоговую конференцию СНО утверждена, Климов. Будете писать её под моим личным руководством. И... если ваши практические навыки на анатомическом материале соответствуют вашей теоретической базе, я лично возьму вас ассистентом на свои экспериментальные операции в ви-варий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.